

Тумба (песня любви Божьей).

Эта история началась с неприметной тумбы для афиш и объявлений.

В том городе, которому насчитывалось всего лет 800, люди, часто ходили мимо тумбы с афишами. И редко кто останавливался, чтобы что-то прочитать на ней, даже не смотря на броскость и разноцветие некоторых красок на афише. Да и никто бы из них не сказал, когда появилась эта тумба на том месте и кто вдохновился этой идеей.

Все так к ней привыкли, что уже как бы и не замечали её.

А тумба стояла на том месте ещё с того времени, когда этот город только зарождался. И было ей, по меньшей мере, тоже лет 800. Кто её поставил первоначально, и зачем? Кто теперь ответит на этот вопрос.

И вот, стояла та тумба, и грустными глазами провожала каждого прохожего, шагающего мимо. И с грустью вспоминала про времена, когда в том городе всё было в новинку. И возле неё собирались толпы, чтобы узнать, что нового в их городе.

Помнит тумба, как в этом месте появилось три дома. И, неведомо почему, один из хозяев поставил тумбу, хотя в этом, как бы, не было никакой необходимости. А, затем, стало разрастаться селение. И разные люди селились здесь.

А по Днепру, что бежал мимо поселения, туда-сюда сновали ладьи, парусники, вёсельные корабли. Корабли из Литвы, по Днепру завозили товары. И народ спешил к ним, чтобы приобрести нужное. И когда эта местность постепенно заполнялась людьми, появился очень предприимчивый человек, которого прозвали Мамай. И решил Мамай с этих торговцев брать пошлину, чтобы торговцы могли продавать в этих землях.

Сколотил Мамай небольшую армию. И так, как сам Мамай был человеком военным, то обучил своих людей военному искусству. И стали они творить беззаконие как на реке, так и вблизи своего селения.

Вот их и прозвали Чири-Киси. Что означало люди силы, а может и люди армии.

А, затем и город стали так называть.

***

Много повидала тумба.

Видела, как строились одни строения, потом сносились те строения. А затем снова что-то строилось. И так до нынешних дней, когда стали выводить частный сектор и строить красивые высотные дома. Укреплялись предприятия, наука и культура в этом городе. Потом рушились те предприятия. Даже не минула эта участь и крупных заводов. А дворцы культуры преобразовывались, что под магазин, что под офисы, что под церкви.

Особую роль тумба сыграла в деле культуры. Ибо на себя тумба, принимая афиши и разные объявления, этим и служила развитию культуры в городе.

***

Со временем город стал ещё и религиозным центром. И на тумбе стали появляться и такие объявления, как та или иная церковь проводит то или иное Богослужение.

Часто проходил мимо этой тумбы и Петя регент, шагая в свою баптистскую церковь.

Надо заметить, что Петя был романтик. Он, ещё в детские года, так глубоко занырнул в музыку, что и до сей поры не мог из неё вынырнуть, даже наоборот, всё больше и больше занурился в неё.

И всегда в его голове звучала музыка. И это создавало в душе разные настроения. Настроения зависели от того, какая музыка звучала в то время в душе у Пети. То радостные, то грустные, то тревожные, то панические, то снова сменялись радостью и даже счастьем звучащие мелодии.

И вот, однажды, шагая, под весёлый марш мимо тумбы, он вдруг остановился возле неё.

И, в это время, в голове Пети весёлый марш заменился бравурным. И в этот миг, что-то бросилось в глаза. А это оказалась афиша. На ней были изображены, два молодых человека и две девушки с микрофонами в руках. И название группы «Льётся песня...». И Пете показалось, что парни помахали ему рукой, а девушки подмигнули.

Невольно Петя шагнул к тумбе, чтобы лучше разглядеть, кто это ему там подаёт сигналы, и та, как ни странно, отворилась, и Петя, войдя, оказался в совершенно сказочной стране.

Рефлекторно Петя пытался отступить назад, но наткнулся на что-то совершенно не видимое.

Хотя, за спиной у него ничего не было, ибо он стоял посреди луга, сплошь усеянного экзотическими цветами, совершенно не вообразимых расцветок.

А в отдалении Петя заметил здание.

«Ну вот и люди здесь видимо есть», - подумал про себя Петя, «есть смысл пойти, познакомиться, узнать, куда это я так неожиданно угодил».

Эта мысль ему понравилась, и он направился к зданию.

А здание напоминало собой дворец культуры 50-60 годов. Этакое культурное сооружение, с претензиями на пышность и помпезность, но явно выражая собою всякое бескультурье и отсутствия воображения и вкуса у того архитектора, который проектировал это здание.

Не мыслимые круглые колонны, никак не сочетаемые со всем зданием, которое было всё некое угловатое. Огромные окна первого этажа не сочетались с маленькими окнами второго. Массивные входные двери, на которых ручки были позаимствованы с деревянных трамваев, которые бегали по городам в начале 50х. И музыка! Главное, что было в этом здании, соответствующее его облику – музыка!

Она звучала бравурным маршем. Грохот барабанов, звон тарелок, завывание труб. Медь, громогласно с воинственным ликованием вырывалась из окон этого здания, гоня по небу сгустки чёрных туч.

Петя вошёл в фойе здания.

Стены фойе были увешены разнообразными лозунгами, призывающими к всеобщему равенству и братству. Зовущему к какому-то счастью, которое обязательно будет в некоем сообществе.

Петя поднялся на второй этаж. Там оказался огромный танцевальный зал, через который шёл ряд колонн.

В левую сторону, предвара зал, был длинный коридор со множеством дверей. Видимо кабинетов. А справа, за (опять-таки), массивными дверями, всё с теми же ручками от деревянного трамвая, актовый зал.

Заканчивалась эта территория ещё одним маленьким залом, а рядом с ним была такая же лестница, идентична той, по которой поднимался Петя.

Музыка звучала неистово. Но ни людей, ни оркестра, Петя так и не нашёл, ни в коридоре, ни в актовом зале, ни в маленьком зале в конце большой залы.

И, уже собираясь спуститься на первый этаж, пользуясь лестницей с обратной стороны зала, он услышал непонятный звук, не то шум, не то шорох и обернулся.

Позади себя он увидел человека. Одет тот был странно. Смокинг, белая рубашка с бабочкой. Сам очень худой. На впалых щеках небольшая редкая борода.

Петю не высоким ни назовёшь. А этот человек был ещё на голову выше Пети.

- Здравствуйте, - поздоровался Петя.

- Здравствуйте, - учтиво ответил ему человек.

- Вы случайно не подскажете, что это за место? Я, как-то случайно и странным образом попал сюда.

- Знаете, не подскажу. Видимо вы попали в тумбу. Это случается. Не со всяким конечно, а лишь с избранными.

- Избранными? - удивился Петя: - куда избранными и кем?

- На этот вопрос мне ещё труднее ответить. Я просто хранитель тумбы, так сказать – её дух.

- Хорошо дух, а имя у вас есть?

- Конечно есть, - всё так же учтиво говорил этот человек: - звать меня, Голосин Вальс Аккордович.

- Ну и имечко? – искренне удивился Петя: - ну хорошо, пусть будет так. А меня зовут Петя.

- Очень приятно, - и Голосин Вальс Аккордович всё-так же учтиво склонил голову.

- Теперь мне любопытно спросить, вот звучит музыка, а где же тот оркестр?

- Как? Вы не видели? Да вот же он, в актовом зале. Там сейчас будет областная конференция для героев труда. Идём же быстрее. Это будет интересно.

Петя последовал за Голосиным, который семенящей походкой повёл его в актовый зал.

Когда они вошли в него, то Петя снова-таки увидел лишь ряды пустых стульев и совершенно пустую сцену.

- Ну и, где же люди? Где оркестр? – Петя вопросительно взглянул на Голосина.

- Ах да, совсем забыл, - Голосин ударил себя по лбу ладошкой: - вы же извне. Так вот, молодой человек, щёлкните один раз пальцами, это чтобы вам здесь прозреть.

Петя так и сделал.

Мгновенно ряды заполнились людьми. А, на сцене актового зала появился оркестр. Люди все разного возраста, мужчины и женщины. Одно их объединяло – взгляд. Они как-то напряжённо, и казалось – целеустремлённо, смотрели на сцену, как бы ожидая, что сейчас вот-вот должно что-то произойти.

И действительно, оркестр стал понемногу утихать, и когда дошёл до еле слышного звучания, на центр сцены вышел человек. Весь такой значимый, солидный.

За ним, семеня ногами, вышел помощник сцены. Почему Петя так решил? Потому что, этот человек нёс за впереди идущим, стойку с микрофоном.

Услужливо поставив микрофон перед внушительным человеком, быстро засеменял назад за кулисы.

- Товарищи, - басом заговорил внушительный: - не в простое время мы живём товарищи. Уже немало прошли, уже немало сделали. Но мы будем упорно идти вперёд, зная, что нас впереди ждёт светлое будущее. Мы будем стремиться к равенству, согласию и любви, и создадим такое сообщество, в котором не будет вражды, и отголоски империализма мы заглушим, как пагубные ростки гнивающей буржуазии.

В зале раздался шквал аплодисментов. Люди неистово хлопали в ладоши. При том, их лица оставались такими же серьёзными, что казалось, вот появиться тут несчастный империалист или буржуй, ему было бы несдобровать.

В это время, оркестр прибавил звук, в поддержку оваций.

Внушительный поднял руку. Зал стих.

- Потому товарищи вперёд, победа будет за нами!

И снова овации взорвали зал. И оркестр заиграл на всю мощь.

Смысл этого бредового выступления, Петя не понял ну нисколечко.

А внушительный что-то ещё говорил и говорил в зал. И люди, то и дело, прерывая его, взрывая зал бурей оваций.

И когда внушительный, заканчивая свою полуторачасовую речь, сказал:

- А теперь встанем на ноги, чтобы спеть гимн нашего сообщества.

Люди в зале дружно встали на ноги. Оркестр заиграл мелодию гимна. Она всё так же была многозвучная, бравурно-походно-торжественная, больше походившая на марш. И слова песни звучали как лозунги, которыми, буквально был заполнен дворец культуры. И бас внушительного, звучащий через микрофон, заглушал звучания зала.

И даже во время гимна лица людей ничего не выражали. Как будто это были маски, или статуи, раскрывавшие рот.

Закончив петь, внушительный снова обратился к залу:

- А теперь товарищи, спускаемся на первый этаж. Там в трапезной для нас приготовили обед. Приятного вам аппетита!

Люди спешно стали выходить из актового зала. А Петя, протиснулся вперёд, и поднялся на опустевшую сцену.

И там, за кулисами, неожиданно он увидел внушительного. Тот, держа за лацканы пиджака какого-то толстого, но очень жалкого на вид человека, (в нём Петя узнал помощника сцены) и внушительный грозно ему выговаривал:

- Как это ты не со всех собрала деньги? О любви лишь я и наша партия может говорить. А твоё дело выполнять лишь то, что тебе поручено. На что нам существовать прикажешь?

- Извините, - пытался оправдываться толстый: - народ не богатый. Им и так немало приходится отдавать.

- Наплевать на то, богаты они или нет. Главное, чтобы мы не были бедными. Сейчас пойдёшь и, во время обеда соберёшь недостающую сумму. И мне не важно, как ты это сделаешь. Или путём сбора партийных взносов, или из любви и сочувствия будут давать. Но, чтобы деньги были собраны.

Внушительный оттолкнул толстого с такой силой, что тот еле устоял на ногах.

- Что здесь происходит? – спросил Петя у Голосина, который тихой тенью следовал за ним.

- Просто вам не повезло, - с неизменной учтивостью проговорил Голосин: - вы попали в не самую приятную эпоху для города. Но, могло быть ещё и хуже, если бы вы попали в эпоху Мамаева правления. Тут такое творилось!

- Что и в Мамаевой эпохе стоял этот дворец культуры?

- Что вы, что вы! Дворец – это временное видение. Вы, если немного задержитесь здесь, то ещё и не то увидите.

Чем закончился сбор средств на поддержку правящей коалиции в незримом городе, Петя не увидел. Ибо, сцена неожиданно завертелась-закрутилась, и Петя снова оказался посреди луга со сказочными цветами.

«Эко закрутило в том дворце в прямом, и в переносном смысле!», - подумал Петя.

Но, когда оглянулся вокруг, то того дворца не увидел, как растаял, или куда-то провалился.

Зато, где-то там вдали, медленно стал вырисовываться другой дворец. Как обычно бывает, после кругового вращения эпох, после эпохи бескультурья, хамства и зверства, наступает эпоха ренессанса (эпоха возрождения).

Потому и дворец был куда изящнее того, грубо смонтированного, хоть и предельно основательного дворца для мнимого счастья.

Множество вензелей, узоров и разнообразных завитков, на окнах, на дверях, на лестничных пролётах, отличало тот дворец от предыдущего.

И музыка! Музыка – симфония. Мелодия, то мирно текла, как полноводная река, то взмывала в высь, образуя из звуков непреодолимую гору. То легко парила в воздухе, напоминая о порхании бабочек над цветками солнцем залитого луга. То, порывом ветра, сметала тех бабочек, и грозowymi тучами заливала луг. То вновь обретала благозвучность, как бы восходящее солнце на синее небо.

Петя направился к тому дворцу.

Но, в нём он не обнаружил ни залов, ни лестниц, ни каких архитектурных сооружений.

Множество людей, как будто разделившись на две категории невидимой чертой, над чем-то трудились.

Над одними были грозовые тучи, и выглядели они уж очень несчастными, изнурёнными. Другие, напротив, были в комфортных условиях. Им радостно светило солнце, они располагались в хороших кабинетах, или же восседали за роскошными столами, изобилующими разным яствами.

А мелодия симфонии в то время, кружила над одними и другими, объединяя их в гармонию.

Петя остановился в нерешительности. Почесал затылок, затем, для чего-то потеревил нос.

И тут он вспомнил про дух тумбы.

- Голосин, - позвал он: - Вальс Аккордович, вы где?

Тут же, на его зов, появился Голосин всё с той же учтивостью на лице, и в том же измятом смокинге.

- Что изволите?

- Вот объясни мне, что теперь здесь происходит?

- Так это легко. После каждой эпохи хамства, является эпоха возрождения. Это вы сейчас и наблюдаете.

- Тогда почему здесь люди так разделены? Ведь явно, что одним живётся тяжело, а другие блаженствуют в роскоши.

- Это называется вера. Кто первый понял дух эпохи, тот и попал в полосу блаженства.

- И это у них всегда так будет?

- Что вы, что вы! И это эпоха будет по-своему извращена. Да вы не спешите, вы всё ещё увидите. А сейчас, с кем бы вы себя ассоциировали?

- Думаю, что с теми, кто тяжело трудится.

- Хороший и правильный выбор. Им предстоит идти впереди. Но, тот кто впереди, в того камни и летят.

Из довольных и сытых, снова выделился солидный. Он, точь-в-точь был, как тот солидный из предыдущей эпохи. Только речи у него были иными:

- Братья и сёстры, - елеиным баском обратился он к тем, кто находился под тёмными тучами: в уповании взовём к нашей вере спасающей, помолимся, попросим благословения на наш труд.

Люди, нехотя отрывались от своих трудов и забот, сплывали ряды и с неким обожанием взирали на солидного. И взоры их менялись от надежды, до отчаяния.

А солидный, приятным баском, продолжал:

- К тебе взываю Владыко, прошу тебя, чтобы дарил силы тем, кто трудится в каждом своём дне, чтобы, во имя любви и мира, творить счастливое завтра.

И так, в привычном для солидного ритма, речь на полтора часа.

И когда он закончил, изнурённые хором воскликнули:

- Аминь!

И когда солидный с балкона, где произносил речь, вернулся в свой кабинет, то там оказался взволнованный и вспотевший толстяк с испуганными и затравленными глазками.

И солидный, схватил того за лацканы пиджака, злобно ему выговаривал:

- Ну говори, почему в этом квартале ты отрыл всего пять церквей? Почему у той злосчастной Америки мы нынче так мало получили помощи? Почему такие малые десятины в нашей кассе?

- Прошу, простите меня. И государство ещё не реорганизовалось. А мы стараемся, мы стараемся. Но, тут и по-настоящему истинные церкви растут. Как нам с ними состязаться? А Америка с нас требует настоящие плоды. И напоминает, что поддерживали сначала, а теперь мы должны расти самостоятельно. А люди мало дают десятину, потому что трудятся много, получают мало.

- К чертям собачим твои оправдания. Придумывай что хочешь. Время такое, что легко мозги запудрить. О чудесах наври. Нет, так сам сотвори чудо. Исцеления там разные. На совесть дави. Да мало ли приёмов? Мне что, учить тебя надо?

Петя слушал и удивлялся, неужели и в самом деле есть такое? Неужели ведётся некая закулисная война? Неужели такое Бог терпит?

И, в этот момент, закружило, завертело, и Петя опять оказался на лугу со сказочными цветами.

***

Поняв, что это вновь меняется эпоха, Петя стал вглядываться в даль, чтобы увидеть, что за дворец приготовили для него на этот раз.

Дворцом это назвать трудно. Ибо, знание, которое было сооружено из стекла и металла, не смотря на разнообразность форм, быстрее всего было похоже на аквариум. Люди же в здании походили на разноцветных рыб.

На первом этаже мелькали серые фигуры. Этажом выше, одетые в более цветастые одежды.

А ещё выше, были выражены в кричащие, разноцветные тона.

Звуки гитары, саксофона, скрипки, выводили бойкие джазовые мелодии.

Эта музыка звучала довольно приятно. Но, подпевали всего лишь на последнем этаже.

И, как уже Петя смог заметить, и постепенно стал к тому привыкать, вроде бы как ни от куда, появился Голосин:

- Ну что, - обратился к нему Петя: объяснишь мне, что это за эпоха?

- Мне, этот период, и самому трудно классифицировать, - как всегда с крайней учтивостью и вежливостью, - ответил Голосин.

Я так думаю, быстрее всего, догадываюсь, что это, в некоторой степени, уже некоторое становление церкви.

- Те, что наверху, кто они?

- Думаю, что это те, кто уже так или иначе, по каким-то признакам, а то и вовсе без таковых, причисляют себя к детям Божьим. Те, что этажом ниже, приближающиеся к тем, что выше. Покаялись и готовятся к водному крещению.

А ещё ниже, кто их знает. Может когда-то и они запоют в общем хоре.

Блеснула молния и Петя, вместе с Голосиным, оказались посреди цветочного луга.

- Что-то быстро нас понесло! – удивился Петя.

- Видимо, эпоха была короткой. Джазовые настроения не долго держались в церквях.

***

Не успели Петя и Голосин порассуждать над произошедшим, как вдали стал вырисовываться новый объект, который должен был олицетворять собой дворец культуры очередной эпохи.

Но, этот дворец выглядел каким-то мрачным. Без особых украшений, чёрный.

И музыка похоронный марш Шопена, самый популярный повсеместно, заунывными, душераздирающими звуками, понёсся над цветущим лугом.

Ноги Пети как вросли в траву. Он, от охватившего его ужаса, не мог пошевелиться с места.

- Что это? Гибель церкви?

- Не надо так беспокоиться и быть таким однозначным. Быстрее всего, что это предвестие грядущих событий.

- Каких событий?

- Вы же заметили, молодой человек, что из первого вашего посещения дома культуры, было всё, под разными видами, вынесено в другие эпохи.

Во все времена и во все эпохи, люди всё делали, исключительно для себя. Даже служа Господу, делая добрые дела, как бы для Господа, всё равно оставались верными своим принципам: «Чтобы мне хорошо было...».

Заметьте, вон тот, солидный с приятным баском. Он почему-то стремглав несётся от этого дворца. А за ним, в припрыжку, его верный полноватый друг.

- Может подойдём, лучше рассмотрим, что там творится?

Петя уже и шаг сделать собрался. Но, Голосин, аккуратно удержал Петю за локоть, остановив его:

- Не торопитесь, лучше присмотритесь ко дворцу.

И действительно, дворец сначала слегка посветлел, а потом, медленно стал преобразовываться в красках. Они, как блуждающие огни рекламы, стали переливаться волнами, создавая впечатление радужного света.

И музыка из рвавшего душу похоронного марша чуть заметными переливами перешла в медленное танго. Затем, то танго зазвучало увереннее, так же почти не заметно перейдя в огненно-страстное.

И стали отчётливо видны пары, женщины и девушки, наряженные в белые платья, и парни, и мужчины в белые фраки.

В безудержном ритме огненного танго они как будто приближались к некоему барьеру.

И вот, танго оборвалось, и, вместо него полился на лужайку нежный вальс.

И пары, одна за другой, кружась в водовороте прелестного вальса, взмывали в звёздное, и, в то же время, голубое небо.

Всё было так необычайно, что Петя от удивления, рот открыл.

«Вознесение Церкви», - мелькнула мысль у Пети.

Он хотел обернуться к Голосину, чтобы уточнить свою догадку.

Но... только он сделал эту попытку, как вдруг опять что-то щёлкнуло, и Петя оказался перед тумбой.

На него всё так же с ласковыми улыбками смотрели два парня и две девушки из афиши.

И, уже поворачиваясь, чтобы уйти от тумбы, Петя на миг увидел, как между парнями и девушками вырисовался образ Голосина. Тот приветливо помахал Пете рукой и мило улыбнулся.